
Станислав Лем
4

Путешествие двадцать четвертое
Станислав Лем

Станислав Лем. Путешествие двадцать четвертое

Станислав Лем
Путешествие двадцать четвертое

На тысяча шестой день после того, как я покинул локальную систему туманности Нереиды, я заметил на экране ракеты крохотное пятнышко и попытался стереть его замшей. Из-за отсутствия какого-нибудь другого занятия я чистил и полировал экран четыре часа, пока не сообразил, что пятнышко — это планета, которая быстро увеличивается. Облетев это небесное тело, я с большим удивлением обнаружил, что его обширные континенты покрыты геометрически правильными узорами и рисунками. Соблюдая необходимую осторожность, я сел посреди голой пустыни, усеянной странными круглыми лепешками, диаметром с полметра; твердые, блестящие, они тянулись длинными рядами в разные стороны, образуя фигуры, замеченные мной до этого с большой высоты. Проделав необходимые предварительные исследования, я сел за руль и полетел над самой поверхностью, пытаясь разобраться в заинтересовавших меня узорах. Во время двухчасового полета я обнаружил один за другим три огромных прекрасных города; я спустился на площадь одного из них, но он был абсолютно пустой: дома, башни, площади — все вымерло, никаких следов жизни, никаких признаков разрушения или стихийного бедствия. Испытывая

все большее замешательство, я полетел дальше.

Около полудня я оказался над обширным плато. Заметив какое-то блестящее строение, вокруг которого что-то двигалось, я немедленно сел. Над каменистой равниной возвышался дворец, весь сверкающий, словно высеченный из цельного алмаза; к его золотистым воротам вела мраморная лестница, у подножья ее суетились несколько десятков неизвестных мне существ. Присмотревшись к ним, я пришел к выводу, что если только меня не обманывает зрение, они, несомненно, живые. Более того, они так походили (особенно издали) на людей, что я назвал их animal hominiforme. Это название у меня было уже готово, так как во время путешествия я выдумывал различные определения для подобных случаев. Здесь animal hominiforme очень подходило: существа ходили на двух ногах, имели руки, голову, глаза, уши и рот; правда, рот находился посредине лба, уши — под подбородком (по паре с каждой стороны), глаз же, оспинами усыпавших щеки, было десять, но путешественнику, который в своих экспедициях встречался с самыми невероятными созданиями, эти существа поразительно напоминали людей.

Приблизившись к ним на разумную дистан-

цию, я спросил, что они делают. Они не ответили, внимательно вглядываясь в бриллиантовые зеркала, установленные у нижней ступеньки лестницы. Я попытался оторвать их от этой работы раз, другой, третий и, видя, что они никак не реагируют, потеряв терпение, энергично тряхнул одного из них за плечо. Тут все обернулись в мою сторону и, как будто только теперь заметив меня, стали с некоторым удивлением смотреть то на меня, то на мою ракету, потом задали мне несколько вопросов, на которые я охотно ответил. Поскольку они то и дело прерывали беседу, чтобы взглянуть в бриллиантовые зеркала, я беспокоился, что не сумею как следует расспросить их. Наконец мне удалось уговорить одного из них удовлетворить мое любопытство.

Этот индиот (как он мне сказал, они назывались индиотами) уселся со мной на камнях неподалеку от лестницы. Я радовался, что именно он был моим собеседником, так как в его десяти глазах светился незаурядный ум. Откинув уши на плечи, он рассказал мне историю своих соотечественников.

— Неизвестный путешественник! Ты должен знать, что мы — народ с большим и прекрасным прошлым. Население этой планеты с незапамят-

ных времен делилось на спиритов, достойных и ишачей. Спириты углублялись в познание сущности Великого Инды, который сознательным актом творения создал индиотов, поселил их на этой планете и в неизъяснимой милости своей окружил ее звездами, разгоняющими ночь, а также приспособил солнечный огонь, чтобы он освещал наши дни и посылал нам благодетельное тепло. Достойные устанавливали подати, толковали значение государственных законов и несли на своих плечах заботу о заводах, на которых скромно трудились ишачи. Так все сообща работали для блага общества. Мы жили в мире, согласии и гармонии; наша цивилизация расцветала все пышнее. Многие века изобретатели строили машины, облегчающие труд, и там, где в древности ишачи гнули залитые потом спины, там с течением столетий у машины их осталось лишь немного. Наши ученые все больше совершенствовали машины, и народ радовался этому, но надвигающиеся события показали, насколько преждевременной была эта радость. Однажды один из ученых конструкторов создал Новые Машины, такие совершенные, что они могли работать абсолютно самостоятельно, без всякого присмотра. И это было началом катастрофы.

По мере того как на заводах появлялись Новые Машины, множество нщачей теряли работу и, не получая вознаграждения, оказывались на краю голодной смерти.

— Позволь, индиот, — спросил я, — а что делалось с доходом, который приносили заводы?

— Доход, — ответил мой собеседник, — попадал к законным владельцам, к достойным. Как я сказал, угроза гибели нависла…

— Но что ты говоришь, достойный индиот! — воскликнул я. — Достаточно было сделать заводы общественной собственностью, чтобы Новые Машины превратились для вас в благодеяние!

Едва я произнес это, индиот задрожал, замигал тревожно своими десятью глазами и замахал ушами, проверяя, не слышал ли моих слов кто-нибудь из его товарищей, суетящихся у лестницы.

— Ради десяти носов Инды, умоляю тебя, пришелец, не произноси такой ужасной ереси, которая является гнусным покушением на основы наших свобод! Знай же, наш высший закон, называемый законов свободной инициативы гражданина, гласит: никого нельзя принуждать, заставлять или даже склонять что-либо делать, если он этого не желает. Кто бы осмелился забрать у достойных фабрики, коль скоро они желали наслаждаться

своей собственностью? Это было бы ужаснейшим покушением на наши свободы, какое только можно себе представить. Так вот, как я уже сказал тебе, Новые Машины создавали множество необычайно дешевых товаров и отличных продуктов, но ишачи совсем ничего не покупали, потому что ничего не зарабатывали…

— Но, мой индиот, — закричал я, — не станешь же ты утверждать, что ишачи поступали так добровольно? Где же были ваши вольности, ваши гражданские свободы?!

— Ах, достопочтенный пришелец, — со вздохом ответил индиот, — законы уважались по-прежнему, но они только позволяют каждому гражданину делать со своей собственностью и деньгами все, что он хочет, но не говорят о том, откуда их взять. Ишачей никто не угнетал, ни к чему не принуждал, они были абсолютно свободны и могли поступать, как им заблагорассудится, но вместо того, чтобы радоваться такой полной свободе, они гибли как мухи… Положение становилось все более ужасным; на заводских складах вырастали горы товаров, которых никто не покупал, по улицам же бродило множество похожих на тени бедствующих ишачей. Правящий государством Великий Дуринал, высокочтимое

собрание спиритов и достойных, круглый год совещался о борьбе со злом. Его члены произносили длинные страстные речи, пытаясь найти выход из создавшегося положения, но их усилия не дали плодов. Как только начались заседания, один из членов Дуринал а, автор знаменитого труда о сущности индиотских свобод, потребовал, чтобы у конструктора Новых Машин отобрали золотой лавровый венок, а взамен выкололи ему девять глаз.

Этому воспротивились спириты, взывая к милосердию во имя Великого Инды. Четыре месяца Дуринал пытался разобраться, попрал ли государственные законы конструктор, создавая Новые Машины, или нет. Собрание разделилось на два яростно борющихся между собой лагеря. Конец спору положил пожар архива, который уничтожил все протоколы заседаний, а так как никто из высоких членов Дуринала не помнил, какую позицию он занимал в проходивших дебатах, этот вопрос отпал. Затем возник проект уговорить достойных — владельцев заводов, чтобы они отказались строить Новые Машины. С этой целью Дуринал образовал смешанную комиссию, но ни ее просьбы, ни мольбы не принесли результата. Достойные ответили, что Новые Машины

дешевле и быстрее ишачей и что производить товары этим способом — их горячее желание. Великий Дуринал стал совещаться дальше. Был предложен законопроект, по которому владельцы заводов отдавали определенную часть дохода ишачам, но и это предложение провалилось, ибо, как правильно отметил Архиспирит Нодаб, такая даровая раздача средств существования деморализовала бы ишачей и унизила бы их души.

Тем временем горы товаров росли и, наконец, начали переваливаться через стены, окружающие заводы, а голодные ишачи толпами сбегались к ним, издавая грозные крики. Напрасно спириты по-хорошему объясняли ишачам, что таким образом они восстают против законов государства и осмеливаются противиться непостижимой воле Инды, что они обязаны покорно подчиниться своей судьбе, ибо, умерщвляя плоть, они возносят на недостижимую высоту свой дух и получают уверенность в небесной награде. Однако ишачи остались глухи к этим мудрым речам, и для обуздания их злостных притязаний пришлось использовать вооруженную стражу.

Наконец Великий Дуринал призвал пред лицо свое ученого конструктора Новых Машин и обратился к нему с такими словами:

«Ученый муж! Великая опасность угрожает нашему государству, поскольку в массах ишачей рождаются бунтарские, преступные мысли. Они стремятся к свержению наших прекрасных идеалов и уничтожению Закона свободной инициативы! Мы должны напрячь все силы для защиты свободы. Внимательно рассмотрев все обстоятельства, мы пришли к убеждению, что не справимся с задачей. Даже наищедрейше одаренный достоинствами, совершенный и законченный индиот подвержен чувствам, колеблется, бывает пристрастен, ошибается и не может осмелиться решить такой сложный и одновременно значительный вопрос. Поэтому ты должен в течение шести месяцев построить машину для управления государством, точную, абсолютно логичную, совершенно Объективную, не знающую колебаний, эмоций и страха, которые обычно мешают работе живого разума. Пусть эта машина будет так же беспристрастна, как беспристрастен свет солнца и звезд. Когда ты ее соорудишь и приведешь в действие, мы переложим на нее бремя власти, слишком тяжелое для наших натруженных плеч».

«Да будет так, Великий Дуринал! — произнес конструктор. — Но каким должен быть основной

принцип действия машины?»

«Им будет, конечно, принцип свободной инициативы граждан. Эта машина не должна ничего приказывать или запрещать гражданам; она может изменять условия нашего существования, но всегда обязана делать это в форме предложения, предоставляя нам различные возможности, между которыми мы будем выбирать по собственной воле!»

«Да будет так, Великий Дуринал! — ответил конструктор. — Но это указание касается главным образом способов действия, я же спрашиваю о конечной цели. К чему должна стремиться эта машина?»

«Нашему государству угрожает хаос; ширятся беспорядки и неуважение законов. Пусть машина введет на планете наивысший Порядок, пусть проведет в жизнь, укрепит и утвердит Порядок Совершенный и Абсолютный».

«Будет, как вы сказали! — ответил конструктор. — В течение шести месяцев я построю Добровольный Распространитель Абсолютного Порядка. Я прощаюсь с вами, чтобы приняться за работу».

«Подожди немного! — сказал один из достойных. — Машина, которую ты создашь, должна

работать не только совершенно, но и красиво. Это значит, что ее действия должны производить приятное впечатление, удовлетворяющее самый тонкий эстетический вкус…»

Конструктор поклонился и молча вышел. Напряженно работая, с помощью множества смышленых ассистентов он соорудил Машину для управления — вон то маленькое темное пятнышко, чужестранец, видишь, на самом горизонте? Это огромное количество удивительных железных цилиндров, в которых непрестанно что-то вибрирует и пылает. День ее запуска был великим государственным праздником; самый старший Архиспирит торжественно освятил ее, после чего Великий Дуринал передал ей полную власть над страной. Добровольный Распространитель Абсолютного Порядка тотчас протяжно свистнул и приступил к делу.

В течение шести дней Машина работала круглые сутки; днем над ней плавали клубы дыма, ночью же ее окружало яркое зарево. Почва дрожала в радиусе ста шестидесяти миль. Потом отворились двухстворчатые дверцы ее цилиндров, и из них на свет высыпались отряды маленьких черных автоматов, которые, переваливаясь словно утки, разбежались по всей планете, добираясь до

самых отдаленных ее уголков. Куда бы автоматы ни приходили, они скапливались у заводских складов и в приятных вразумительных словах требовали различные товары, за которые платили без промедления. За неделю склады опустели, и достойные — владельцы заводов облегченно вздохнули, повторяя: «Воистину замечательную машину построил конструктор!»

Действительно, изумление охватывало при виде того, как эти автоматы использовали купленные вещи: они одевались в парчу и атлас, косметикой смазывали оси, курили табак, читали книги, проливая над грустными произведениями синтетические слезы, да что таи, Они могли даже искусственным способом употреблять различные лакомства (правда, без пользы для себя, так как они питались электричеством, но зато с выгодой для производителей). Только массы ишачей не выражали ни малейшего удовольствия, наоборот, они роптали все ожесточеннее. Достойные с надеждой ожидали новых шагов Машины, которая не заставила себя ждать. Она собрала огромные запасы мрамора, алебастра, гранита, горного хрусталя, медных глыб, мешков золота, серебра и пластин яшмы, после чего, ужасно грохоча и дымя, воздвигла строение, по-

добного которому глаза индиотов до сих пор не видели, — вот этот Радужный Дворец, который высится перед тобой, пришелец!

Я поднял глаза. Солнце как раз выглянуло из-за тучи, и его лучи заиграли на отшлифованных стенах, разбиваясь на сапфировые и кроваво-красные блики. Радужные полосы, казалось, парили и дрожали на углах и вокруг бастионов. Крыша же, украшенная стройными башенками, целиком выложенная золотой чешуей, горела. Я наслаждался этим изумительным зрелищем, а индиот продолжал:

— Всю планету облетела весть об этой удивительной постройке… К ней началось настоящее паломничество из самых отдаленных мест. Когда толпы заполнили все вокруг, Машина открыла металлические губы и сказала так:

«В первый день месяца Лущевки откроются яшмовые ворота Радужного Дворца, и тогда каждый индиот, знаменитый или неизвестный, сможет по собственной своей воле войти внутрь и испробовать все, что его там ожидает. До той поры добровольно смирите свое любопытство, так же как потом вы его добровольно удовлетворите».

И вот утром первого дня Лущевки в воздухе зазвучали серебряные фанфары и с глухим ляз-

гом отворились ворота Дворца. Толпы потекли внутрь рекой, которая была в три раза шире, чем шоссе, соединяющее две наши столицы — Дебилию и Кретону. Целый день тянулись потоки индиотов, но площадь перед Дворцом была попрежнему забита народом, так как со всех сторон приходили все новые и новые толпы. Машина принимала их гостеприимно: черные автоматы, лавируя в толпе, разносили прохладительные напитки и подкрепляющие закуски. Так продолжалось пятнадцать дней. Тысячи, десятки тысяч, наконец, миллионы индиотов вошли внутрь Радужного Дворца, но ни один из тех, кто туда вошел, не вернулся. Кое-кто удивленно спрашивал, что бы это могло значить и куда девается такая масса людей, но эти одинокие голоса тонули в веселом ритме маршевой музыки; автоматы ловко справлялись с делом — поили жаждущих, кормили голодных, серебряные куранты на дворцовых башнях били, а когда спускалась ночь, хрустальные окна сверкали яркими огнями. Наконец толпы ожидающих значительно поредели. Уже только несколько сотен индиотов терпеливо ждали на мраморной лестнице своей очереди, как вдруг раздался ужасный вопль, заглушивший ритмичные удары барабанов:

«Измена! Слушайте все! Дворец вовсе не чудо, а дьявольская западня! Спасайся кто может! Гибель! Гибель!»

«Гибель!» — откликнулась толпа на лестнице, повернулась кругом и разбежалась. Ей никто не препятствовал.

На следующую ночь несколько отважных ишачей подкрались к Дворцу. Вернувшись, они рассказали, что задняя стена Дворца медленно отворилась и изнутри высыпалось несметное количество блестящих кружков. Черные автоматы засуетились вокруг них, развозя па Поля и укладывая в различные фигуры и узоры. Услышав это, спириты и достойные, которые до этого заседали в Дуринале (они не пошли во Дворец, ибо не пристало им смешиваться с уличной чернью), немедленно собрались и, желая разгадать загадку, призвали ученого конструктора.

Вместо ученого явился его сын, хмуро озиравшийся и кативший перед собой большой прозрачный диск.

Достойные, потеряв самообладание от негодования и нетерпения, оскорбляли ученого и обрушивали на него ужаснейшие проклятия. Они забросали юношу вопросами, требуя, чтобы он объяснил, какую тайну открывает Радужный

Дворец и что сделала Машина с вошедшими в него индиотами.

«Не смейте осквернять память моего отца! — ответил юноша гневно. — Он построил Машину, точно придерживаясь ваших указаний и требований; но, однажды пустив ее, он не больше любого из вас знал, как она будет поступать — лучшим доказательством этого служит то, что он сам одним из первых вошел в Радужный Дворец».

«И где он теперь?» — в один голос воскликнули члены Дуринала.

«Вот он!» — с болью ответил юноша, показывая на блестящий диск. Он надменно взглянул на старцев и, никем не задержанный, ушел, катя перед собой то, во что превратился его отец.

Члены Дуринала задрожали, охваченные одновременно гневом и ужасом, но потом решили, что Машина не посмеет, наверное, причинить им зла, запели гимн индиотов и, укрепившись духом, вместе вышли из города и оказались перед железным чудовищем.

«Мерзавка! — закричал старший из достойных. — Ты обманула нас и попрала наши законы! Немедленно останови свои котлы и оси! Не смей больше действовать беззаконно! Что ты сделала с вверенным тебе народом индиотов? Говори!»

Едва он кончил, Машина остановила свои шестерни. Дым растаял в небе, наступила полная тишина, потом раскрылись металлические губы и голос, похожий на гром, прогрохотал:

«О достойные и вы, спириты! Я, владыка индиотов, вами самими вызванная к жизни, должна признаться, что меня очень раздражает хаос ваших мыслей и неразумность ваших упреков! Сначала вы хотите, чтобы я установила порядок, а потом, когда я приступила к делу, вы мешаете мне работать! Вот уже три дня Дворец пустует, образовался абсолютный застой, и никто из вас не приближается к яшмовым воротам, а это затягивает окончание моего труда. Но, заверяю вас, я не успокоюсь, пока не закончу его!»

Услышав эти слова, члены Дуринала задрожали, восклицая:

«О каком порядке ты говоришь, подлая? Что сделала ты с нашими братьями и близкими, поправ законы государства?!»

«Что за дурацкий вопрос! — ответила Машина. — О каком порядке я говорю? Взгляните на себя, как неаккуратно сложены ваши тела; из них торчат разные конечности, одни из вас выше, другие ниже, одни толстые, другие, наоборот, худые… Вы хаотически передвигаетесь,

останавливаетесь, глазеете на какие-то цветы, тучи, бесцельно бродите по лесам, во всем этом нет Ни на грош математической гармонии! Я, Добровольный Распространитель Абсолютного Порядка, превращаю ваши слабые, хрупкие тела в солидные, изящные, устойчивые формы, из которых складываю потом приятные для глаза симметричные, невиданно правильнее узоры и рисунки, вводя таким образом на планету элементы совершенного порядка...».

«Чудовище! И — закричали спириты и достойные. — Как ты смеешь губить нас?! Ты топчешь наши права, уничтожаешь, убиваешь нас!..»

В ответ Машина пренебрежительно скрипнула и сказала:

«Я ведь говорила; что вы не в состоянии даже рассуждать логично. Конечно, я уважаю ваши права и законы. Я ввожу порядок, не используя принуждения, не применяя насилия. Кто не хотел, не вошел в Радужный Дворец; каждого же, кто это сделал (а сделал он это, повторяю, по своей собственной инициативе), я изменила, преобразовав материю его тела так превосходно, что в новом облике он просуществует века. За это я вам ручаюсь».

Некоторое время было тихо. Потом, пошептав-

шись между собой, члены Дуринала пришли к выводу, что законы и впрямь не были нарушены и дела обстоят совсем не так плохо, как это показалось сначала.

«Мы сами, — сказали достойные, — никогда бы не совершили такого страшного злодеяния, но вся ответственность падает на Машину; она поглотила огромное количество готовых на все ишачей, и теперь оставшиеся в живых достойные вместе со спиритами смогут наслаждаться бренным покоем, восхваляя непостижимую волю Великого Инды. Будем, — сказали они друг другу, — обходить далеко радужный Дворец, и тогда ничего плохого с нами не случится».

Они уже хотели разойтись, но тут Машина вновь заговорила:

«Выслушайте внимательно, что я вам скажу. Я должна кончить начатое. Я никого из вас не намерена неволить, принуждать или склонять к каким-нибудь действиям. Я по-прежнему оставляю за вами полную свободу инициативы, но я говорю вам, что если кто-нибудь захочет, чтобы его сосед, брат, знакомый или кто-либо из близких поднялся до уровня Кругового Порядка, пусть призовет черные автоматы; они тут же явятся к нему и по его приказу отведут нужное лицо в

Радужный Дворец. Это все».

Воцарилось молчание, в котором достойные и спириты переглядывались с внезапно возникшей подозрительностью и тревогой. Дрожащим голосом заговорил Архиспирит Нолоб, объясняя Машине, что желание превратить их всех в блестящие диски является жестокой ошибкой; это произойдет, если такова воля Великого Инда, но чтобы ее познать, проникнуть в нее, нужно много времени. Поэтому Архиспирит предлагал Машине отложить принятое решение лет на семьдесят.

«Я не могу этого сделать, — ответила Машина, — так как уже разработала точный план действий после превращения последнего индиота; уверяю вас, что я готовлю планете самую блестящую судьбу, какую только можно себе представить; это будет бытие в гармонии. Оно, я думаю, понравилось бы этому вашему Инде, о котором вы вспомнили и которого я не знаю.

Она умолкла, поскольку площадь перед ней опустела. Достойные и спириты разбежались по домам, и каждый, запершись в четырех стенах, предался размышлениям о своей судьбе, и чем дольше размышлял, тем больший его охватывал страх. Каждый боялся, что кто-нибудь из соседей

или знакомых, испытывая к нему неприязненные чувства, вызовет в его дом автоматы, и не видел для себя иного спасения, как только сделать это первым.

Вскоре ночную тишину разорвали крики. Высовывая в окна искаженные страхом лица, достойные оглашали темноту отчаянными призывами, и на улицах раздался топот железных автоматов. Сыновья отправляли во Дворец отцов, деды — внуков, брат посылал туда брата, и в течение одной ночи тысячи достойных и спиритов растаяли до маленькой горстки, которую ты видишь перед собой, чужестранец. Новая заря увидела поля, украшенные мириадами гармоничных узоров, выложенных блестящими кружками, — все, что осталось от наших сестер, жен и родственников. В полдень Машина заговорила громоподобным голосом:

«Хватит! Укротите пока свое рвение, о достойные, и вы, остатки спиритов. Я закрываю ворота Радужного Дворца, но ненадолго, обещаю вам. Я уже исчерпала всё уборы, приготовленные для Распространения Абсолютного Порядка, и должна подумать, чтобы создать новые, и тогда вы снова сможете поступить согласно собственной свободной воле».

При этих словах, индиот посмотрел на меня большими глазами и кончил, понизив голос:

— Машина сказала это два дня назад… Собравшись здесь, мы ждем…

— О почтенный индиот! — воскликнул я, приглаживая ладонью волосы, от волнения вставшие дыбом. — Страшная это история и совершенно невероятная! Но скажи мне, очень тебя прошу, почему вы не восстали против этого механического чудовища, которое истребило вас, почему дали принудить себя…

Индиот вскочил. Весь его облик выражал величайший гнев.

— Не оскорбляй нас, путешественник! — воскликнул он. — Ты говоришь, не подумав, поэтому я прощаю тебя… Взвесь мысленно все, что я тебе сказал, и ты неизбежно придешь к справедливому убеждению, что Машина соблюдала Закон свободной инициативы и, хотя это может показаться несколько странным, оказала большую услугу народу индиотов, потому что нет несправедливости там, где есть закон, провозглашающий наивысшую свободу, а если бы какой-нибудь деятель предпочел ограничение свобод…

Он не кончил. Раздался протяжный скрип, и

яшмовые ворота величественно отворились. Увидев это, все индиоты вскочили с мест и богом бросились вверх по лестнице.

— Индиот! Индпот! — звал я, но мой собеседник только махнул рукой и, крикнув: «Мне некогда!», большими прыжками помчался за остальными и скрылся внутри Дворца.

Я ждал довольно долго и, наконец, увидел колонну черных автоматов, которые прибежали к дворцовой стене, открыли люк и выкатили из него длинную цепочку дисков, красиво переливающихся на солнце. Затем они покатили их на обширное поле и там остановились, чтобы дополнить неоконченную фигуру какого-то орнамента. Ворота Дворца все еще были широко открыты. Я сделал несколько шагов, чтобы заглянуть внутрь, но по спине у меня побежали неприятные мурашки.

Машина открыла металлические губы и пригласила меня внутрь.

— Я ведь не индиот, — ответил я, повернулся, поспешно пошел к ракете и через минуту уже маневрировал рулями, возносясь в небо с головокружительной быстротой.